

Алена Яворская

«Былой галантности нелепый слепок»

Загадка инженера Бабичева

Как известно, одесские писатели юго-западной школы часто и охотно использовали в своих произведениях реальные детали своей биографии, придавали своим героям черты родственников и знакомых.

Первенство принадлежит, бесспорно, Валентину Катаеву. И не только в поздней прозе, но и в ранней. Рассказ «Отец» (1922-1925) – об аресте и пребывании в тюрьме. Рассказ «Бездельник Эдуард» (1925) – о женитьбе и семейной жизни Эдуарда Багрицкого.

Не отставали от старшего брата и друга и Евгений Петров с Ильей Ильфом. В «12 стульях» чуть ли не все герои списаны с натуры, начиная с Остапа Бендера. Не щадили ни близких, ни дальних родственников, ни друзей, ни знакомых. Ильф даже о том, как целовался с женой под звуки примуса, написал.

Об одесском периоде биографии Семена Гехта документов никаких не сохранилось, но его достаточно легко можно восстановить по разбросанным в рассказах и повестях упоминаниям об учебе и литературном дебюте.

Забавный эпизод времен Гражданской войны описан поэтессой Зинаидой Шишовой. «Поэт, художник и политик» Вениамин Бабаджан, все годы Первой мировой войны прослуживший в армии, издал в 1916 году книгу стихов «Кавалерийские победы» под псевдонимом «Клементий Бутковский». И вот в 1918 году «этот несуществующий Бутковский «вочеловечился». Явился в магазин, где помещалась наша «редакция», не помню – прапорщик или поручик Бутковский, и потребовал гонорар за стихи».

А герой книги Юрия Олеши «Зависть» Андрей Бабичев вряд ли гонорар потребовал. Впрочем, и Иван Бабичев в этом замечен

не был. Хоть скорее всего, братья Бабичевы – это один и тот же человек.

Вот Андрей Бабичев, описанный Кавалеровым, страшный, грозный, неумолимый и устрашающий:

«Андрей Петрович Бабичев, занимает пост директора треста пищевой промышленности. Он великий колбасник, кондитер и повар. <...> гражданин очень солидного, явно государственного облика. <...>

Я видел надвигающегося на меня Бабичева, грозного, неодолимого идола с выпученными глазами. Я боюсь его. Он давит меня. Он не смотрит на меня – и видит насквозь. Он на меня не смотрит. Только сбоку я вижу его глаза, когда лицо его повернуто в мою сторону, взгляда его нет: только сверкает пенсне, две круглые слепые бляшки. Ему неинтересно смотреть на меня, нет времени, нет охоты, но я понимаю, что он видит меня насквозь. <...>

Стоило ему вступить с кем-нибудь в разговор, как возле него смыкался круг. Все слушали его с почтительным вниманием. Он красовался в своем сером костюме, грандиозный, выше всех плечами, аркой плечей. На животе у него на ремнях висел черный бинокль. Слушая собеседника, он закладывал руки в карманы и тихо качался на широко расставленных ногах с пятки на носок и с носка на пятку. Он часто почесывает нос. Почесав, он смотрит на пальцы, сложенные щепоткой и близко поднесенные к глазам».

Андрей – гениальный колбасник, герой современной промышленности, строитель сытого будущего.

А брат его Иван – антипод, отчасти пародия. Если Андрей – «грозный идол», то Иван – «толстенький человек». Биографию его Олеша описывает подробно:

«В Петербурге Иван Бабичев окончил Политехнический институт по механическому отделению как раз в том году, когда казнен был брат Роман. Инженером работал Иван в городе Николаеве, близ Одессы, на заводе Наваль, вплоть до начала европейской войны.

<...> Да был ли он когда-либо инженером?

В тот год... (время Гражданской войны. – А. Я.) Иван занимался промыслом малопочтенным, а для инженера – просто позорным.

Представьте, в пивных рисовал он портреты с желающих, сочинял экспромты на заданные темы, определял характер по линиям руки, демонстрировал силу своей памяти, повторяя пятьсот любых прочитанных ему без перерыва слов.

Иногда он вынимал из-за пазухи колоду карт, мгновенно приобретая сходство с шулером, и показывал фокусы.

Его угощали. Он присаживался, и тогда начиналось главное: Иван Бабичев проповедовал.

О чем он говорил?

– Мы – это человечество, дошедшее до последнего предела, – говорил он, стуча кружкой по мрамору, как копытом. – Сильные личности, люди, решившие жить по-своему, эгоисты, упрямы, к вам обращаюсь я, как к более умным, – авангард мой! Слушайте, стоящие впереди! Кончается эпоха. Вал разбивается о камни, вал закипает, сверкает пена. Что же хотите вы? Чего? Исчезнуть, сойти на нет капельками, мелким водяным кипением? Нет, друзья мои, не так должны вы погибнуть! Нет! Придите ко мне, я научу вас.

Он был неопрятен. Рубаха его, похожая на трактирную салфетку, всегда была раскрыта на груди. Вместе с тем появлялся он, случалось, и в крахмальных манжетах, но грязных. Если можно соединить неопрятность со склонностью к щегольству, то ему это удалось вполне. Например: котелок. Например: цветок в петлице (остававшийся там чуть ли не до превращения в плод). И, например: бахрома на штанах, и от нескольких пуговиц пиджака – лишь хвостики».

Кто же они, братья Бабичевы? С кого списаны? В 1934, после смерти Эдуарда Багрицкого, собирали воспоминания друзей. Михаил Файнзильберг, старший брат Ильфа, вспоминал о литературной жизни 1920 года: «Работники РОСТА, художники и поэты, объединившись в «Коллектив поэтов» (всего человек 15), куда входил также и Багрицкий, собирались по вечерам на специально снятой для этого квартире, читали стихи, беседовали. Развлекались одним душевнобольным инженером Бабичевым, который страдал манией величия и считал себя «Председателем Коммуны Земного Шара». Все остальные были членами правления этой коммуны и несли различные функции. Устраивались заседания,

на которых обсуждались дела Коммуны. Именно на одном из таких заседаний Багрицкий внес поразительное предложение организовать «Чрезвычайную комиссию по борьбе с бездарностью». Это предложение было принято, и Багрицкий был назначен председателем этой комиссии». Итак, Михаил Файнзильберг называет фамилию – Бабичев.

Год спустя Марк Тарловский написал поэму-воспоминания «Веселый странник». Багрицкого он называет Диделем, по его стихотворению «Птицелов». А «душевнобольной инженер» обретает имя и отчество:

Откуда же среди повальных кепок,
Среди, я бы сказал, небритых морд
Белоперчаточный возник бы лорд,
Былой галантности нелепый слепок?

Но Дидель буркнул, дав ему сигарку:
«В моем кружке, в писательском кругу,
Что противопоставить я могу
Изысканно-приветственному шарку?

Мне свойственной манеры щирых батек,
Попали, мистер, вы в простецкий круг». –
«Считаюсь с формой комнаты, мой друг, –
Сказал пришелец, – я попал в квадратик».

<...>

Сядясь напротив, странный посетитель
Сказал: «Вы – Дидель. Именно для вас
Я дам отчет, свободный от прикрас,
О совершённом мною не хотите ль? –

Зима росла, – так начал он, – во мгле,
И не было ни вечера, ни утра,
И первый снег, как роковая пудра
На выцветшем и сморщенном челе,

Уже лежал на сумрачной земле.
Что думал я, расширив щели век,
Направив их загадочно и прямо,
Как два окна готического храма,

На море звезд, на пыль молочных рек,
На семь планет и их урочный бег?
Сиятельный голубокровный лорд,
Я сохранил в космических порывах

Дух прадедов моих честолюбивых,
Дух копоты и мудрости реторт,
Дух скепсиса... и фаустовский черт
Не раз гостил в мечтах моих шуточных.

Мой враг сходил к нам с неба для того,
Чтоб на земле, всевышнему любезной,
Упрочить власть бессменную его
И царствие премудрости небесной.

А я добыю спасения земли
Путем иным, но более чудесным,
Устроив так, чтоб сами мы ушли
На небеса к планетам неизвестным!..

...И вот я сел в чудесный аппарат,
И, смутную почувствовав тревогу,
Светило дня дало ему дорогу,
Переходя на пламенный закат.

Мир всё стоял – по-прежнему народы
Сосали кровь скудеющей природы,
По-прежнему надеялись рабы
На призраки сомнительной свободы,

И черный стяг безвыходной борьбы
Железные окутывал заводы.

Но я пришел, вернее, прилетел:
Узнайте же о лордовом успехе, –

Добился я того, чего хотел,
Мне на пути не встретились помехи,
Как ямщику, считающему вехи.
Трехлетнюю определили власть

Антихристу наивные пророки:
По их словам, он должен будет пасть,
Когда придет спаситель их далекий.
Но шлет земля в ночную пустоту

Милльон ракет, Антихристом рожденных,
И мчится сонм людей освобожденных
Наперерез грядущему Христу!
Что ж, пусть теперь свершится предсказанье,

Пусть лорд умрет и снидет век Христов,
Но где же он найдет учеников,
Когда они в глубинах мирозданья,
Когда грехи покинули людей,

И смыта кровь с нетленного распятыя,
И миру мир бросается в объятья,
Как юноша к возлюбленной своей!»

«Вот сладкой сумасшедшинки изюмец, –
Шепнул нам Дидель, малость помолчав. –
Не правда ли, довольно величав
В своем бреде сиятельный безумец?

Друзья мои, я встретился вчера с ним
И поспешил позвать сюда. Я знал,
С ним не заснешь, он – антиверонал
Для нас, так склонных к вымыслам и басням.

Он был подозреваем в шпионаже
И раза два садился под арест,
Не буен, и за наименьшем мест
Из клиники давно не изгнан даже.

Здесь у него сестра. Веселый братик
Живет на антресолях у родни,
Работает, корчует где-то пни,
Когда-то знаменитый математик.

И жалко мне его: с вином цистерну
Так лопнувший со шпал сгоняет рельс,
Так путается в клетках грозный ферзь
И ходит гениально, но неверно.

<...>

Андрей Петрович, лорд и гордость мира!
Вы голодны, и это вам во вред.
Вот пропуск мой, пойдите. На обед
Сегодня каша с капелькою жира!»

В примечаниях к поэме Тарловский написал: «В этой сцене фигурирует реальная личность. Отношения между нею и окружающим миром обрисованы почти документально».

В воспоминаниях о Юрии Олеше Лев Славин описал еще один эпизод из жизни «Коллектива поэтов»:

«Сюда приходили художники, артисты, ученые и просто странные люди. У одного из них через много лет Олеша взял имя для героев «Зависти»: Бабичев.

Имя и некоторые черты. И для Андрея, и для Ивана, ибо в странном посетителе «Коллектива поэтов» дивным образом соединялись черты обоих братьев. Это был самый благовоспитанный сумасшедший на свете.

О безумии его вы догадывались только, когда посреди увлекательного разговора он вдруг сообщал вам, все теми же корректными интонациями учтивого человека, что он председатель ком-

муны земного шара, а кроме того, как бы по совместительству, Антихрист.

– А жена моя наоборот – Тсирхитна, – добавлял он с тихой улыбкой.

И он разводил руками несколько извиняющимся жестом, как бы говоря: вот ведь какая бывает порой игра природы...

Иногда его встречали на рынке, где он самым прозаическим образом торговал слесарным и столярным инструментом, ибо с безумием Ивана Бабичева он соединял практичность Андрея Бабичева.

Завидев кого-нибудь из нас, он мгновенно скрывался. Псих-псих, а все-таки он понимал, что базарная торговля несовместима с престижем Антихриста. Исчезал он с непостижимой быстротой и потом объяснял нам, что сделал это посредством присущего ему дара «внепространственного транспорта». Олешу восхищало чисто звуковое сочетание этих слов.

Нас предостерегали от Бабичева, говорили, что иногда он бывает буен. Но бедный безумец привязался к нам и всюду ходил с нами, как прирученный гепард. Один раз его неистовство все же вырвалось на волю.

Это случилось ночью. Большой зал «Коллектива поэтов» полон. Лампы не зажжены. Но светло от луны, прущей в широко открытые окна.

Бабичев играет на рояле. Он был хорошим музыкантом. Он импровизировал. Это было нечто нежное, чуть печальное, почти баюкающее. Внезапно – град безобразных бессмысленных звуков.

Бабичев вскочил, не переставая барабанить. И вдруг он поднял руки и заревел. Ни с чем невозможно сравнить этот рев. В нем была мука смерти, и разгул садизма, и бешенство убийцы. Он ревел, кривляясь и корчась в лунном сиянии. И это было так отвратительно и страшно, что все стали разбегаться. А я, Илья Ильф и Павел Мелисарато выбежали в соседнюю комнату, захлопнули дверь и придвинули к ней большой дубовый стол.

Тяжело дыша, мы переглянулись. Ильф чуть сощурился и сказал: – Это из него заревел Антихрист.

Нам стало смешно и немножко стыдно. Мы отодвинули стол и вошли в зал.

Через него шла молодая белокурая женщина. Ее вел Олеша. Со стула за роялем бесформенной кучей свисал Бабичев. Женщина взяла его за руку. Он поднялся и покорно поплелся за ней. Это была его жена и антипод – Тсирхитна. Ее вызвал сюда Олеша, единственный из всех нас, кто не растерялся.

Он тоже испугался, как все мы. Но преодолеть страх ему помогла его доброта».

В «Зависти» Иван Бабичев выступает со странными речами: «Вот я стою на высотах, озирая сползающую армию! Ко мне! Ко мне! Велико мое воинство! Актерики, мечтающие о славе. Несчастливые любовники! Старые девы! Счетоводы! Честолюбцы! Дураки! Рыцари! Труссы! Ко мне! Пришел король ваш, Иван Бабичев! Еще не настало время, – скоро, скоро мы выступим... Сползайте, воинство!» И ему угрожают сумасшедшим домом. «– Вас, Иван Петрович, надо посадить на Канатчикову дачу, – сказал, зевая, Володя».

Сумасшедший дом, арест – это биография Ивана Бабичева из «Зависти».

«Проезжал будто по очень шумному месту (одни называли Неглинный у Кузнецкого моста, другие – Тверскую у Страстного монастыря) автомобиль, в котором сидел солидный гражданин, полный, краснощекий, с портфелем на коленях.

И как будто выбежал из толпы с тротуара его брат Иван, тот самый, знаменитый человек. Он, завидев катящего брата, стал на пути машине, распахнув руки, как стоит огородное чучело или как останавливают, пугая, понесшую лошадь. Шофер успел замедлить ход. Он подавал сигналы, продолжая медленно накатываться, но чучело не сходило с дороги.

– Стой! – воскликнул во весь голос человек. – Стой, комиссар! Стой, похититель чужих детей!

И ничего не оставалось шоферу, как затормозить. Поток движения осекся. Чуть ли не вздыбились многие машины, налетев на переднюю, а автобус, заревев, остановился, весь придя в беспокорность, готовый покориться, поднять слоновьи свои шины и попятиться...

Распростертые руки стоящего на мостовой требовали тишины. И все смолкло.

– Брат, – проговорил человек. – Почему ты едешь в автомобиле, а я хожу пешком? Открой дверцу, отодвинься,пусти меня. Мне тоже не подобает ходить пешком. Ты вождь, но я вождь также.

И действительно, на эти слова подбежали к нему с разных сторон люди, из автобуса выскочили некоторые, другие покинули окрестные пивные, с бульвара примчались третьи, – и тот, сидевший в автомобиле, брат, поднявшись, громадный, увеличившийся от стояния в автомобиле, увидел перед собой живую баррикаду.

Грозный вид его был таков, что казалось, он сейчас шагнет и пойдет по машине, по спине шофера, на них, на баррикаду, сокрушающим – на всю высоту улицы – столбом...

А Ивана – точно подняли на руки: он вознесся над толпой приверженцев, покачивался, проваливался, выдергивался; котелок его съехал на затылок, и открылся большой, ясный, усталого человека, лоб.

И стащил его брат Андрей с высоты, схватив за штаны на животе жменей. Так он и швырнул его милиционеру.

– В ГПУ! – сказал он.

Едва произнесено было волшебное слово, как все, востепенувшись, вышло из летаргии: сверкнули спицы, втулки завертелись, захлопали двери, и все те действия, которые начаты были до летаргии, получили свое дальнейшее развитие.

Иван находился под арестом десять дней.

Его отпустили, пригрозив высылкой.

Что могли инкриминировать ему в ГПУ?

– Вы называли себя королем? – спросил его следователь.

– Да... королем пошляков.

– Что это значит?

– Видите ли, я открываю глаза большой категории людей...

– На что вы открываете им глаза?

– Они должны понять свою обреченность».

Как уже говорилось, одесские писатели использовали подлинные события, разве что время могли изменить. Книжного Ивана Бабичева арестовало ГПУ в конце 1920-х. А реального Андрея Бабичева – ЧК в 1920 году. Ибо Олеша использовал все – фамилию, имя, отчество.

Протокол заседания Малой коллегии ОГЧК от 18 июля 1920:
«Дело Бабичева Андрея Петровича. Обв. [иняемому] в шпионаже и контр-револ. 27 лет. Содержится в губтюрьме. Освободить и направить в психиатрическую больницу. Дело прекратить и сдать в архив».

В том же 1920 году одесский журнал «Театруда» публикует статью «Реплика инженера-технолога А.П. Бабичева, сказанная им на 24-м устном сборнике Южно-русского общества писателей, посвященному жизнетворчеству театра». И становятся понятны приписываемые Ивану Бабичеву из «Зависти» обращения к актерам и упоминания его о театре. Вот о чем говорил Андрей Бабичев в 1920 году:

«Перед вами человек, которому история дала право привлечь все факты, его окружающие, к ответу: задать каждому факту в отдельности следующий вопрос: Ты, факт, для чего ты существуешь, когда ты родился, и когда намерен умереть. С этим вопросом я обращаюсь к тому, что сегодня перед нами – к театру.

– Театр, ты факт жизни для чего ты существуешь, когда ты родился, когда намерен умереть. Я, наделенный историей правом задать такой вопрос, емь Революция Вселенной и от ее имени привлекаю к ответу театр.

<...>

Социальная революция есть процесс объединения всего человечества в одно общество – Церковь Вселенной, которая вмещает в себя все исторические церкви, рождается в театре, который есть отражение жизни. Современный театр есть то, что и объединило, и в себе вместило все искусства. Современный театр есть тот фокус художественного творчества человека, в котором может родиться новая форма жизни; и эта новая форма – Церковь Вселенной, рождается в современном театре, его до тла разрушая. Социальная революция – революция материи, вносит в театр кусок материи и требует, чтобы этот кусок материи был обработан. Она вносит станок и подлинного, а не бутафорского труда для создания нового продукта жизни. Этого требует сама материя. Это ее священное право. Умиравший современный театр – театр повторения написанного слова. Театр рождающейся Церкви Вселенной есть театр рождения слова в порядке импровизации, есть

театр, переходящий от театра православной церкви, об алтаре, примкнутом к стене, к театру, к театру католического храма, в котором тайнодействие имеет место посреди храма, так что место тайнодействия можно обойти вокруг не только вне храма, но и внутри. Рождающийся театр Вселенной – театр труда есть театр квадрата, разделенного на девять малых квадратов, где сцена занимает средний квадрат, публика занимает квадраты, накрест лежащие относительно сцены и угловые квадраты, отведены кулисам, в которых публика принимает образ, нужный для действия сцены, сама сцена обслуживается снизу и сверху. Театр становится местом труда, местом сцены.

<...>

И смерть нынешнего театра есть момент полного раскрытия его вовне, есть момент растворения его как театра труда за совесть во всей толще жизни – есть момент одухотворения труда – момент победы и окончания Социальной Революции, сменяющейся равновесием Воли Вселенной в Идеале».

Квадрат, о котором упоминал Тарловский, возникает в единственной достоверной речи Андрея Петровича Бабичева.

Что еще известно об Андрее и вообще о Бабичевых? В 1912 году жили в Одессе два Бабичевых, вероятнее всего, брата – Петр Андреевич и Феодор Андреевич.

Петр был купцом, домовладельцем, жил на Большой Арнаутской, 77.

А вот Феодор пошел по научной части. Жил он в астрономической обсерватории в Александровском парке. Был наблюдателем обсерватории, депутатом 1-го Общества взаимного кредита, состоял в педагогическом обществе взаимопомощи высших женских курсов, обществе вспомоществования нуждающимся учащимся гимназии А.В. Горевой, имел собственный телефон – 39-54.

Андрей – бесспорно, сын Петра Андреевича. Из протокола ЧК известно, что в 1920 ему было 27 лет. Значит, родился он в 1893 году. Но есть одна загадка. Среди выпускников Одесского коммерческого училища за 1903 год есть студент Санкт-Петербургского технологического института Андрей Бабичев. Что это? Удивительное совпадение имени, фамилии, образования? Ошибка в документах ЧК? В списках Коммерческого училища? Можно было бы уточнить

возраст ребенка по результатам переписи 1897 года, но, увы, материалы по дому 77 по Большой Арнаутской не сохранились.

А еще Коммерческое училище окончил в 1899 году Иван Бабичев. Судя по тому, что после учебы он был «в деле отца в Одессе», – это старший брат Андрея. И еще один Бабичев – Николай – то ли родной, то ли двоюродный брат, был вольнослушателем Коммерческого училища, получал стипендию одесского 1-й гильдии купца потомственного почетного гражданина Александра Яковлевича Новикова, а после окончания училища в 1892 году стал представителем фирмы «Лемме» в Ростове-на-Дону.

Возможно, внешность Андрея Бабичева из «Зависти» Олешей списана с натуры. Таким ли был реальный инженер-технолог Андрей Петрович Бабичев, сидевший и в ЧК, и в сумасшедшем доме, завсегда литературных вечеров в «Коллективе поэтов»? Вряд ли мы узнаем об этом.

«Голова у него низко острижена, усы короткие – под самым носом. Он похож на большого мальчика-толстяка. <...>

Я увидел эту спину, этот тучный торс сзади, в солнечном свете, и чуть не вскрикнул. Спина выдала все. Нежно желтело масло его тела. Свиток чужой судьбы развернулся передо мною. Прадед Бабичев холил свою кожу, мягко расположились по туловищу прадеда валики жира. По наследству передались комиссару тонкость кожи, благородный цвет и чистая пигментация. И самым главным, что вызвало во мне торжество, было то, что на пояснице его я увидел родинку, особенную, наследственную дворянскую родинку – ту самую, полную крови, просвечивающую, нежную штучку, отстающую от тела на стебельке, по которой матери через десятки лет узнают украденных детей.

«Вы – барин, Андрей Петрович! Вы притворяетесь!» – едва не сорвалось с моих уст».

